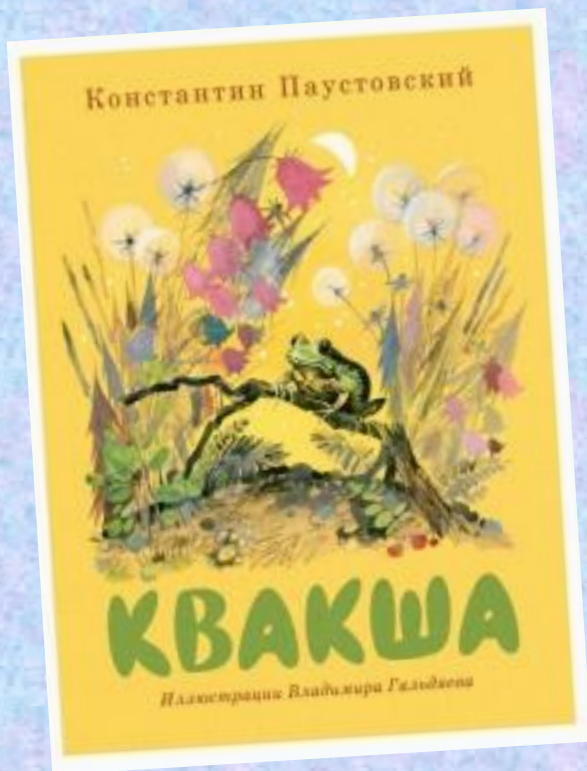

Презентация

Прочитаем вместе

Константин Паустовский

Рассказ «Квакша»

Пыстина Лидия Митрофановна
учитель русской литературы
школа – гимназия № 9
г. Павлодар

**Константин Георгиевич
Паустовский**

1892г. -1968г.

**писатель
прозаик**

**Константин
Георгиевич
Паустовский
(1892 – 1968)**

**«Нет хуже, когда у
человека душа сухая.
Вянет от таких жизнь, как
трава от осенней росы.»**

Константин Паустовский

Рассказ «Квакша»

Жара стояла над землей уже целый месяц. Взрослые говорили, что эту жару видно «невооруженным

– Как это можно

увидеть жару?

– спрашивала

Жара стояла над землей уже целый месяц. Взрослые говорили, что эту жару видно «невооруженным глазом».

– Как это можно увидеть жару? – спрашивала всех Таня.

Тане было пять лет, и потому она каждый день узнавала от взрослых много новых вещей. Действительно, можно было поверить дяде Глебу, что «сколько ни проживешь на этом свете, хоть триста лет, а всего не узнаешь».

– Пойдем наверх, я тебе покажу жару, – сказал Глеб. – Оттуда лучше видно.

Таня вскарабкалась по крутой лестнице на мезонин. Там было светло и душно от нагретой крыши.

всех Таня.

Тане было пять лет, и потому она каждый день узнавала от взрослых много новых вещей. Действительно, можно было поверить дяде Глебу, что «сколько ни проживешь на этом свете, хоть триста лет, а всего не

– Пойдем наверх, я тебе покажу жару, – сказал Глеб. – Откуда лучше видно.

**Таня вскарабкалась по крутой
лестнице на мезонин. Там было
светло и душно от нагретой крыши**

**Ветки старого клена
так упорно лезли в**

**окна, что окна
трудно было закрыть**

**Может быть, поэтому
они все лето и простояли
настежь.**

На мезонине был балкон с резными перилами. Глеб показал Тане с балкона на луга за рекой и на дальний лес.

Дядя Глеб повел Таню на балкон и показал ей жару.
— Видишь желтый дым? Как от самовара. И весь воздух дрожит.
Это и есть жара.

– Видишь желтый дым? Как от самовара. И весь воздух дрожит. Это и есть жара. Все можно заметить человеческим глазом. И жару, и холод, что хочешь.

– А холод – когда снег? – спросила Таня.

– Нет. Даже летом можно заметить. Вот будут прохладные дни, тогда я тебе покажу, как выглядит холод.

– А как?

– Небо вечером бывает зеленое, как мокрая трава. Холодное небо.

Пока же стояла жара, и больше всех от нее страдала маленькая лягушка. Она жила во дворе, под кустом бузины.

Больше всех от жары страдала маленькая лягушка. Она жила во дворе под кустом бузины.

Двор так раскалялся от солнца, что все живое пряталось. Даже муравьи не решались выбегать днем из подземных своих муравейников, а терпеливо дожидались вечера. Только одни кузнечики не боялись жары. Чем горячее был день, тем выше они прыгали и громче трещали. Поймать их было невозможно, и лягушка начала голодать.

Двор так раскалился от солнца, что все живое спряталось. Только одни кузнечики не боялись жары. Но лягушка не могла их поймать и голодала.

Однажды она нашла щель под дверью
в каменный погреб и с тех пор все
дни просиживала, сонная, в погребке,
на холодных кирпичных ступеньках.

Однажды она нашла щель под дверью каменного погреба
и с тех пор все дни просиживала там.

**Когда молоденькая работница
Ариша спускалась в погреб за
молоком, лягушка
просыпалась, прыгала в
сторону и пряталась за
разбитый цветочный горшок.
Ариша каждый раз
пронзительно вскрикивала.**

Но лягушка даже не взглянула на того, кто пришёл, и по привычке закричала: «Пошёл прочь! Ходят тут всякие. Нет воды. Высох колодец».

По вечерам лягушка вылезала во двор и осторожно пробиралась в тот угол, где на клумбе распускался к ночи табак и тесно росли кустистые астры. Цветы каждый вечер поливали из лейки, и потому на клумбе можно было дышать – от политой земли тянуло сыростью, а с пахучих белых цветов табака изредка падали на голову холодные

Лягушка сидела в темноте, таращила глаза и ждала, когда люди перестанут ходить, разговаривать, звенеть стаканами, стучать медным стерженьком от рукомоиника и наконец прикрутят лампы, задуют их, и дом сразу сделается темным и таинственным.

Тогда можно будет немного попрыгать по клумбе, пожевать листья астр, потрогать лапкой уснувшего шмеля, чтобы послушать, как он заворчит

ВОЗЬ СОН.

А потом прокашляются и закричат по всем дворам петухи и придет полночь самое хорошее время. Может быть, даже упадет роса и в мокрой траве заблестят звезды.

Ночь будет тянуться долго, тихая и прохладная, и в лугах загудит нелюдимая птица выпь.

Бородатый Глеб был старым, опытным рыболовом. Каждый вечер он убирал со стола скатерть, осторожно высыпал из разных коробочек бронзовые золоченые крючки, круглые свинцовые грузила и прозрачные разноцветные лески и начинал чинить свои удочки. Тогда Тане не разрешалось подходить к столу, чтобы какой-нибудь «мушиный» крючок не впился ей в палец.

Дядя Глеб был старым опытным рыболовом. Каждый вечер он чинил свои удочки.

Когда Глеб чинил удочки, он всегда напевал
одно и то же:
Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались поплавки.

Бородатый Глеб был старым, опытным рыбаком. Каждый вечер он убирал со стола сестер, осторожно вымыл на раковке корюшечки бронзовые зоофильные крючки, круглые свинцовые грузы и прозрачные разноцветные дёсны и начинал чинить свои удочки. Тогда Глебу не разрешалось подходить к столу, чтобы какой-нибудь «защипанный» крючок не свисел с него в полет.

Когда Глеб чинил удочки, он всегда напевал одно и то же:

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались поплавки.

Но в это лето Глебу пришлось туго — из-за засухи пропав червь. Даже самые хитрые мальчишки отлавливались не впопых.

Глеб пришёл в отчаяние и начался на портах дома опромывать борманы буквами:

«Здесь произведётся скрутка червей от насекомых».

Но это тоже не помогло. Продолжил оптомываться, читая надписи, с восхищением кланяясь головой: «Ну и хитрый же человек, чего наврал!» — и ещё дальше. А на второй день хитрой-то мальчишка притесал вилку свиным же опромыван буквами:

«В обмен на харьковское варенье».

Пришлось стереть надписи.

Но в это лето Глебу пришлось туго: из-за засухи пропали черви. Даже самые шустрые мальчишки отказывались их копать.

Но в это лето Глебу пришлось туго — из-за засухи пропали черви. Он ходил за ними за три километра в овраг.

Но это тоже не помогло. Прохожие
останавливались, читали
надпись, с восхищением качали
головами: «Ну и хитрый же
человек, чего написал!» – и шли
дальше. А на второй день какой -
то мальчишка приписал внизу
такими же огромными буквами:
**«В ОБМЕН НА КАРТОФЕЛЬНОЕ
ВАРЕНЬЕ».**

Пришлось стереть надпись.

**Глеб начал ходить за три километра в
овраг, где под кучами старых щепок
можно было накопать за час десятка**

**Но в это лето Глебу пришлось туго — из-за засухи пропали черви.
Он ходил за ними за три километра в овраг.**

Глеб их берег, будто эти черви были золотые: перекладывал сырым мхом, завязывал банку с червями марлей и держал ее в темном

Дядя Глеб прятал червей в погреб. Тут-то и нашла их маленькая лягушка.

Там - то их и отыскала маленькая лягушка. Она долго трудилась, пока стащила марлю, потом залезла в банку и начала есть червей. Она так увлеклась, что не заметила, как в погреб спустился Глеб, вытащил ее из банки за задние лапки и вынес во двор. Там Таня кормила злую подслеповатую курицу.

В погреб спустился дядя Глеб. Он вытаскил из банки лгушку за задние лапки и вынес во двор.

Во дворе Тани кормила злую подслеповатую курицу.

Она долго трудилась, пока стащила марлю, потом влезла в банку и съела червей.

- Вот! – сказал Глеб грозным голосом. – Человек трудится в поте лица, чтобы нарыть хоть десяток червей, а нахальная лягушка бессовестно их ворует. И даже научилась развязывать марлю. Придется ее проучить.
- Как? – спросила с испугом Таня, а курица искоса посмотрела на лягушку прищуренным глазом.
- Отдать ее на съедение этой курице – и все!

— Вот, — сказал дядя Глеб грозным голосом. — Человек трудится в поте лица, чтобы нарыть хоть десяток червей, а нахальная лягушка их ворует. Придется отдать ее курице на съедение.

Лягушка отчаянно задрывала лапками,
но вырваться ей не удалось. Курица
взъерошилась, взлетела и чуть было
не вырвала лягушку у Глеба.

Курица взъерошилась, взлетела и чуть было не вырвала лягушку у дяди Глеба.

– Не смей! – закричала Таня на курицу и заплакала.

Курица отбежала в сторону, поджала лапу и стала ждать, что будет

— Не смей! — закричала Таня на курицу и заплакала. — Дядя Глеб!
Зачем же ее убивать? Дайте ее мне.

– Дядя Глеб, зачем же ее убивать? Дай
ее мне.

– Чтобы она опять воровала?

– Нет. Я ее посажу в стеклянную банку
и буду кормить. Разве тебе самому ее
не жалко?

– Ну ладно! – согласился Глеб. – Бери,
так и быть. Ни за что бы я ее не
простил, если бы ты не заступилась.
И если бы это была обыкновенная
лягушка.

— Папа Глеб, зачем же её убивать? Дай ей жить.

— Чтобы она стала воробьями?

— Нет. И её помню и старожены баяны и буду помнить. Если тебе совсем её не жалко?

— Ну ладно — согласился Глеб. — Паря, ты и баян. Не за что бы и её не простил, если бы ты не изгубилась. И если бы она была обыкновенная лягушка.

— А разве она необыкновенная? — спросила Тана и жестикулировала.

— А ты не видишь? Это древняя лягушка, лягушка. Она непременно продолжится.

— Нет, она это мне и напоминает, — и обоглаженным подмигивала Тана и короткошерстной котеночка слона, которая каждый день слышала от старика Николая: — Давно её не увидишь! А ты хлеба и сахара поешь, и тогда не слышать буди!

Глеб снова погугулу Тана. Она пошла к её в баян и трыной и поставила на подоконник.

— Ну, ладно, бери. Это не обыкновенная лягушка. Это древесная лягушка — квакша. Она замечательно предсказывает дождь.

- А разве она необыкновенная? – спросила Таня и перестала плакать.
- А ты не видишь? Это древесная лягушка, квакша. Она замечательно предсказывает дождь.
- Вот она его нам и предскажет, – с облегчением вздохнула Таня и скороговоркой повторила слова, которые каждый день слышала от плотника Игната: – Дождик ой как нужен! А то хлеба и огороды посохнут, и тогда не миновать беды!

Глеб отдал лягушку Тане. Она посадила ее в банку с травой и поставила на подоконник.

Таня посадила лягушку в банку и поставила на подоконник.

– Веточку нужно какую-нибудь засунуть в банку, – посоветовал Глеб.

– Зачем?

– Когда она влезет на веточку и начнет квакать, значит, будет дождь.

– Как? – спросила с изумом Тани, а курица исподлобья посмотрела на лягушку придуреным взглядом.

– Отдать её на съедение этой курице – и всё!

Лягушка отчаянно задрывала лапками, но вырваться ей не удалось. Курица вздернула шею, зашипела и чуть было не вырвала лягушку у Глеба.

– Не смей! – закричала Тана на курицу и заплакала.

Курица отбежала в сторону, поджала лапу и стала ждать, что будет дальше.

– Давай Глеб, зачем же её убивать? Дай её мне.

– Чтобы она опять заровала?

– Нет, я её посажу в стеклянную банку и буду кормить. Разве тебе самому её не жалко?

– Ну ладно! – согласился Глеб, – бери, так и быть. Ни за что бы я её не пропил, если бы ты не заступилась. И если бы это была обыкновенная лягушка.

– А разве она необыкновенная? – спросила Тана и перестала плакать.

– А ты не видишь? Это древесная лягушка, какаш. Она замечательно предсказывает дождь.

– Вот она его нам и предскажет, – с облегчением выдохнула Тана и скорговорной повторила слова, которые каждый день слышала от плотника Игната: – Дождик ой как нужен! А то хлеба и огороды поскохнут, и тогда не миновать беды!

Глеб отдал лягушку Тани. Она посадила её в банку с травой и поставила на подоконник.

– Веточку нужно какую-нибудь засунуть в банку, – посоветовал Глеб.

А дождя все не было. Лягушка, сидя в банке, слушала разговоры людей о засухе и тяжело дышала: жить в банке было, конечно, безопасно, сытно, но душно.

Сидя в банке, лягушка слушала разговоры людей о засухе и думала, что бы такое хорошее сделать для Тани. И вот, наконец, придумала...

Однажды ночью лягушка вылезла по кленовой ветке из банки и осторожно, останавливаясь и прислушиваясь, поскакала в сад. Там, в беседке, под крышей, жила в гнезде ласточка.

Ночью она вылезла из банки и поскакала в сад, где под крышей беседки жила ласточка.

**Лягушка тихонько квакнула, и ласточка
тотчас выглянула из гнезда.**

**– Тебе чего? – спросила она – Весь день
носишься-носишься, даже звон в голове
стоит. А тут еще и ночью каждый будит,
отдохнуть не дает.**

– Ты сначала послушай, а потом будешь чирикать, – ответила лягушка. – Я тебя никогда еще не будила.

– Ну ладно, рассказывай, – ответила ласточка и зевнула. – Что у тебя

Лягушка квакнула, и ласточка выглянула из гнезда.

Тогда лягушка рассказала ласточке, что девочка Таня спасла ее, лягушку, от смерти и она, лягушка, все думала, что бы такое хорошее сделать для Тани. И вот, наконец, придумала, но без ласточкиной помощи ничего не получится.

Лягушка рассказала ласточке, что девочка спасла ее от смерти, и о том, что все люди тревожатся из-за отсутствия дождя. — Помоги, — спросила она, — приведи дождь.

Люди очень тревожатся оттого, что нет
дождя. Все сохнет. Хлеб может
сгореть на корню. Даже для них, для
птиц и лягушек, пришло трудное
время: пропали червяки и улитки.

Лягушка слышала, как отец Тани, агроном, говорил о засухе, а Таня слушала его и заплакала: ей было жалко и отца и всех колхозников, что мучаются из-за этой засухи. Лягушка видела, как Таня стояла однажды около высохшего куста малины, трогала почерневшие, ломкие листья и тоже плакала. И еще лягушка слышала, как Танин отец говорил, что люди скоро придумают искусственный дождь. Но пока этого дождя еще нет, и людям надо помочь.

— Ветеру хорошо, куда-нибудь закрутит в Бикину, — рассмеялся Глеб.

— Зачем?

— Когда она взлетит на веточку и начнет плавать, значит, будет дождь.

А дождя всё не было. Лягушка, сидя в бочке, слушала разговоры людей и жуки и чикало далака. — жила в бочке не было, пометки, бочка была, жила, но душно.

Однажды ночью лягушка вылезла на кленовый лист на бачку и истерично, истерично плакала и прерывалась, плакала и сад. Там, в бочке, под крышей, жила в гонимой обстановке.

Лягушка тихонько плакала, и листочек тихо вылетел из бочка.

— Тебе чего? — спросила она. — Нет, дело неважное, поплакала, даже слез в голову стает. А тут всё и только жидкий будет, отдохнуть не дано.

— Ты сказала поплакать, а потом будешь плакать, — ответила лягушка. — И тебе никогда еще не будешь.

— Ну ладно, рассказывай, — смеялся листочек и жужжал. — Что у тебя случилось?

Тогда лягушка рассказала листочку, что девочка Толя сказала ей, лягушке, от смерти и она, лягушка, всё думала, что бы такое хорошо сделать для Толи. И вот, наконец, придумала, но без необходимой помощи ничего не получится.

Лягушка очень тронута была, что вот дождь. Всё так. Клей может оторвать из воды. Даже для нее, для воды и листочка, пришла трудное время — пришла черная и унылая.

Лягушка сказала, как она Толя, вечером, говорил о жуки, а Толя слушала его и вылакала — ей было жалко и стыдно, и она заплакала, что придется пойти к жукам. Лягушка видела, как Толя стояла однажды около колодезьного края жалко, трясла почесывая, лоская листья и тоща

– Помочь - то надо, – ответила ласточка. – Только как? Дождь отсюда далеко, за тысячу километров. Я вчера до него немного не долетела. А видеть видела. Сильный дождь, обложной. Только он сюда не дойдет – весь выльется по дороге.

– А ты его приведи, – попросила

— Ты сварила пельменей, и вот они в кастрюле по-
решены, — сердито загудела. — И этим делом ты
еще не занимайся.
— Ну ладно, ругаешься, — сказала.
И она опять села за стол.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

КВАКША

КВАКША
"КАША"
ЖИЗНЬ
ИЗ

...приведи, Да и ее можно
...дела. Эти стрижки надо про-
...Она быстро летит.

– Легко сказать – приведи. Да и не наше это, ласточкино,

дело.

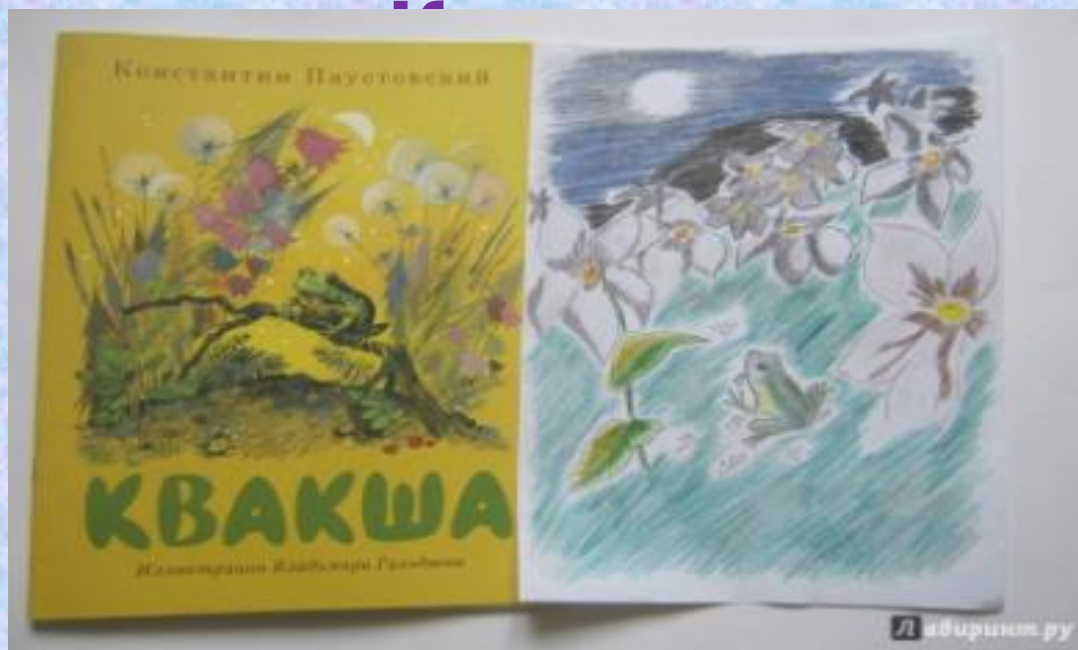
Это стрижей

надо просить.

Они быстрее летают.

- А ты поговори со стрижами.
- Так с ними и поговоришь. Сама небось знаешь, что за народ. Одного какого-нибудь стрижонка нечаянно крылом зацепишь – не оберешься неприятностей. Сейчас же в драку

к.

Лягушка отвернулась, и из ее глаз
скатилась в траву маленькая слеза.
– Ну что ж, – прошептала она, – уж если
вы, ласточки, не можете привести
дождь, тогда со стрижами и говорить

– Это как так не можем? – рассердилась ласточка. – Кто это тебе сказал? Мы всё можем. Даже увернуться от молнии и обогнать самолет. Для нас дождь привести – пустое дело. Только надо всех

ТИ.

Лягушка вернулась в свою банку и громко заквакала.

Ласточка почистила клюв лапкой,
подумала.

– Ну ладно! Не реви. Пригоним сюда

дождь.

— Ладно, — сказала ласточка, — мы пригоним дождь. Часов в десять утра будем здесь. Ну, прощай...

Ласточка снова почесала клюв лапой.
– Надо сообразить. Это не так просто.
Собрать всех ласточек – два часа.
Лететь до дождя тоже два часа.
Обратно с дождем лететь труднее.
Часа четыре пролетим, не меньше.
Через десять утра будем здесь. Ну,
прощай!

**Ласточка перелетела на скворечню,
пискнула и исчезла за тесовыми
крышами.**

Лягушка вернулась в дом.

Там все спали.

Лягушка влезла в банку, взобралась на ветку клена и тихонько квакнула. Никто не проснулся. Тогда она квакнула громче, потом еще громче, еще и еще, и вскоре ее кваканье заполнило все комнаты, стало слышно в саду.

Лягушка вернулась в свою банку и громко заквανάла.

**И по всей деревне, в ответ на него, сразу
всполошились и заорали петухи. Они
старались перекричать друг друга,
срывали голоса, сипли и снова орали,
неистово хлопая крыльями. Они
подняли такой гомон, что со сна можно
было подумать, будто в деревне пожар.**

В доме все сразу проснулись.

– Что случилось? – спросонок спросила Таня.

– Дождь будет! Дождь! – ответил ей из соседней комнаты отец. – Слышишь, квакша кричит! И петухи заголосили по

мета.

– Дождь будет! Дождь! – сказал дядя Глеб. – Слышишь, квакша кричит.

**Глеб вошел со свечой в комнату к Тане и
посветил на банку с лягушкой.**

**– Ну так и есть! – сказал он. – Так я и
думал! Квакша влезла на ветку и
кричит, надрывается. Даже позеленела**

Утро пришло, как всегда, безоблачное, но
часам к десяти далеко на западе
громыхнул и рассыпался по полям

Колхозники вышли на обрыв над рекой и смотрели на запад, прикрыв глаза ладонями.

Ребята полезли на крыши. Ариша начала торопливо подставлять под все водосточные трубы лоханки и ведра. Отец Тани каждую минуту выходил во двор, смотрел на небо, прислушивался и все повторял: «Лишь бы не мимо, лишь бы захватила нас эта гроза». Таня ходила

ним и тоже прислушивалась.

Гром подходил ближе. Его раскаты стали торжественнее и шире. На западе поднялась черная туча. Глеб спешно собирал свои удочки и смазывал сапоги, после грозы должен был начаться, по его

**Потом в воздухе запахло
свежестью дождя. Сад тихонько
зашумел листвой,
туча придвинулась,
и веселая молния
как бы распахнула
во всю глубину огромное
небо.**

Первая капля дождя звонко ударила по железной крыше. Тотчас стало так тихо, будто все прислушивались к этому звуку и, затаив дыхание, ждали второй капли.

Сам дождь тоже прислушивался и соображал, правильно ли он уронил эту

**И, помедлив, решил, что правильно,
потому что вдруг сразу сорвался и
загрохотал по крыше тысячами
капель. За окнами полились –
заблестели полноводные струи**

– Идите сюда! – закричал с мезонина
Глеб. – Скорее!

Все побежали по лестнице на мезонин, а
Таня, конечно, отстала.

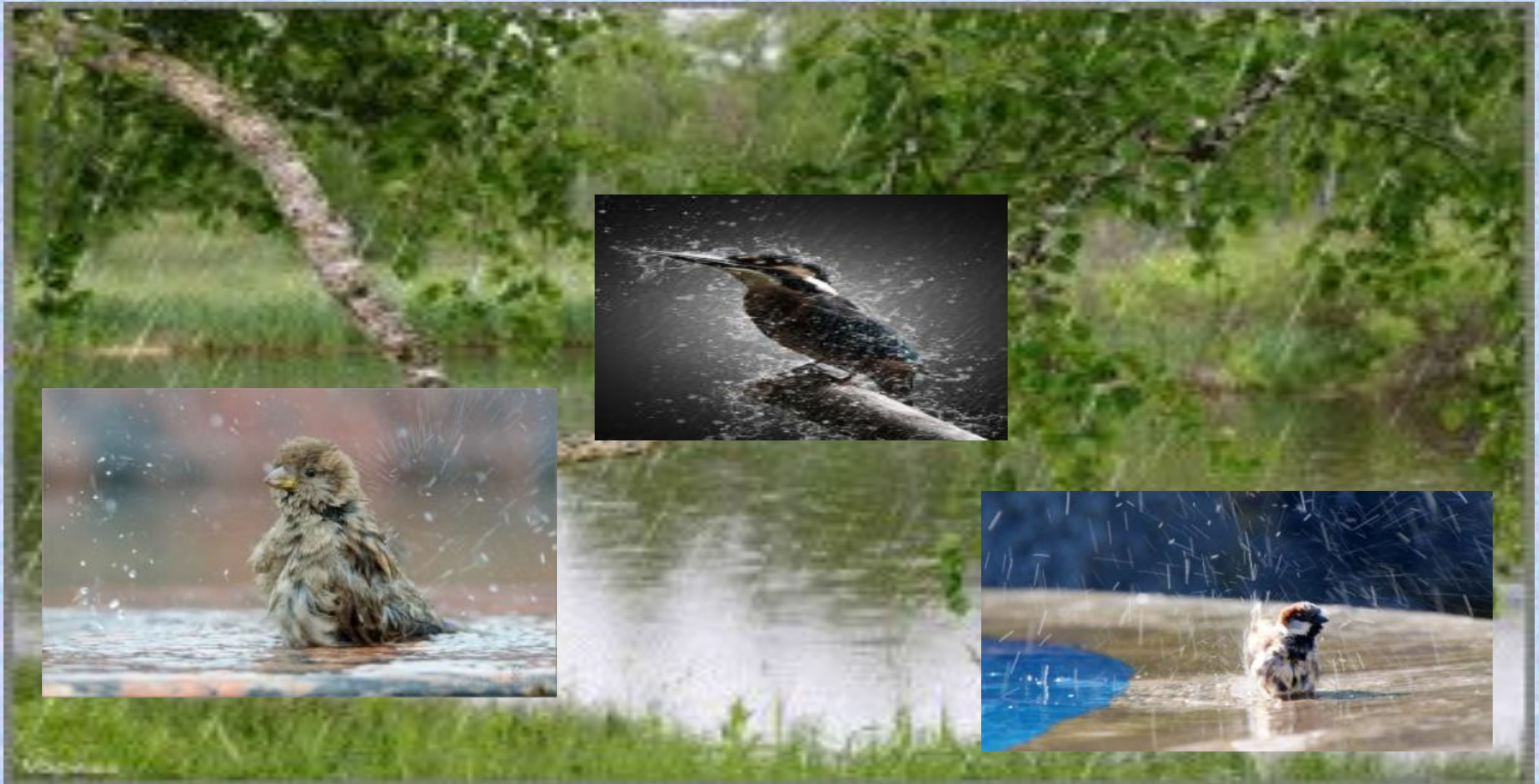
А к десяти часам утра раздался первый раскат грома.
— Идите сюда, — закричал с мезонина дядя Глеб. — Скорее!

**Сверху все увидели, как тысячи, а
может быть, десятки тысяч
маленьких птиц гнали над землей
дождевую тучу, не давали ей
свернуть в сторону, бросались на
нее несметными стаями, и от
ветра, поднятого их крыльями,
туча все ниже опускалась к земле
и нехотя шла, ворча и громыхая,
на иссохшие поля и огороды.**

Все увидели, как тысячи маленьких ласточек гнали над землею дождевую тучу, не давали ей свернуть в сторону. И туча нехотя шла, ворча и гроыхая, на иссохшие поля и огороды.

Иные птицы подхватывали на лету отдельные струйки дождя и неслись с ними вперед, будто волочили за собой прозрачные водяные нитки.

Иногда все птицы сразу встряхивали крыльями. Тогда дождь усиливался и так гремел, что на мезонине все перекрикивались и не слышали друг друга.

- Что это такое? – прокричала Таня. – Птичий дождь?**
- Не понимаю, – ответил Танин отец. – А ты что-нибудь соображаешь, Глеб?**
- Ничего не соображаю, – ответил Глеб. – Похоже на всемирный перелет ласточек.**

Когда грохот дождя по крыше перешел в ровный и спокойный гул и пронеслись все ласточки, Таня выпустила лягушку из банки в свежий и шумный сад. Там вся трава и листья дрожат от дождя.

— Не понимаю, — отвечает Таня отцу. — А ты что-нибудь сообразишь, Глеб?

— Ничего не соображаю, — отвечает Глеб. — Похоже на невнятный перевет ласточек.

Когда грохот дождя по крыше перешел в ровный и спокойный гул и пронеслись все ласточки, Таня выпустила лягушку из банки в свежий и шумный сад. Там вся трава и листья дрожат от ударов дождя.

Таня осторожно погладила лягушку по маленькой хвостовой коже и сказала:

— Ну, спасибо тебе, что некакала дождя. Ты жила так спокойно, тебя никто не тронет.

Лягушка посмотрела на Таню и ничего не ответила. Она не могла ответить на человеческом языке ни од- ного слова. Она умела только хихикать. Но во мгновение ока она поняла предвещать, что Таня еще раз поведает ее историю.

Лягушка прыгнула под листья табака и начала бешиться и шипеть — кувыркаться под дождем.

С тех пор лягушку никто не трогал. Аршия перестала жаловаться, когда встречалась с ней, и Глеб ходил дачу откладывал для нее на своей заветной «черничной» банке несколько мушкетерских червей.

А вокруг суета задохнуться хлеба, помидор дождем, зеркала от света сырые сны, осорода, заглохло сочными жуками, помидорами и бунными укропом. И рыба начала

**Таня осторожно погладила лягушку по
маленькой холодной голове и
сказала:**

**– Ну, спасибо тебе, что накликала
дождь. Ты живи теперь спокойно,**

Лягушка посмотрела на Таню и ничего не ответила. Она не могла выговорить на человеческом языке ни одного слова.

Она умела только квакать. Но во взгляде ее была такая преданность, что Таня еще раз погладила ее по голове.

**Лягушка прыгнула под листья табака и
начала ежиться и отряхиваться
купаться под дождем.**

Квакша посмотрела на Таню преданным взглядом, прыгнула под листья табака и стала купаться под дождем.

С тех пор лягушку никто не трогал. Ариша перестала взвизгивать, когда встречалась с ней, а Глеб каждый день откладывал для нее из своей заветной «червивой» банки несколько лучших

С тех пор никто не трогал квакшу. А дядя Глеб каждый день откладывал для нее несколько лучших червей.

**А вокруг густо заколосились хлеба,
политые дождем, засверкали от
света сырые сады, огороды,
запахло сочными огурцами,
помидорами и буйным укропом.
И рыба начала клевать так жадно,
что каждый день обрывала у
Глеба драгоценные золоченые
крючки.**

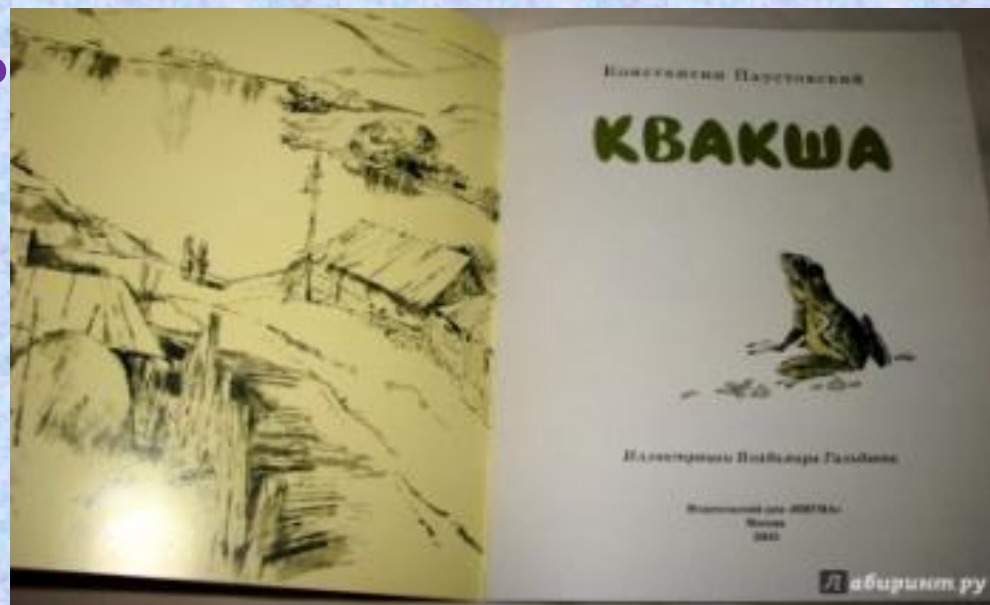
Политые дождем, густо заколосились хлеба, засверкали сады и огороды.

Таня бегала по саду, играла в прятки с лягушкой, и платье ее промокло от росы.

Таня бегала по саду, играла с лягушкой в прятки.

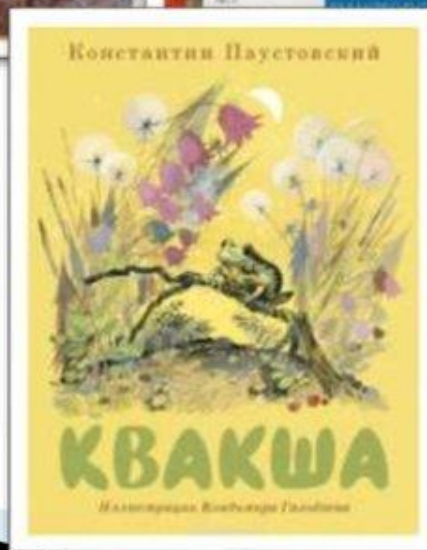
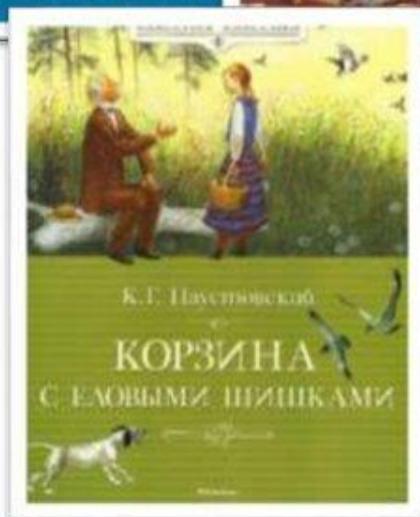
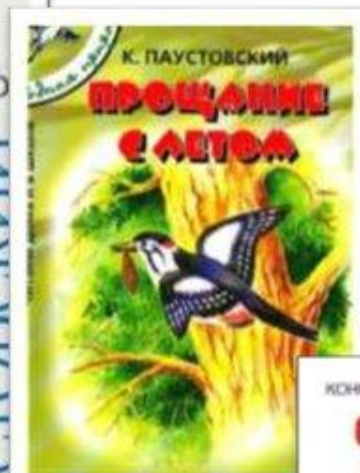
Любопытные паучки суетливо спускались с веток на невидимых паутинках, чтобы узнать, почему в саду столько возни и смеха. Узнав, в чем дело, они успокаивались, сматывали свои паутинки в серые шарики, маленькие, как булавочные головки, и засыпали.

Любопытные паучки спускались с веток на невидимых паутинках, чтобы узнать, почему в саду столько веселья и смеха. А узнав, в чем дело, успокаивались и засыдали.

Книги К.Г.Паустовского

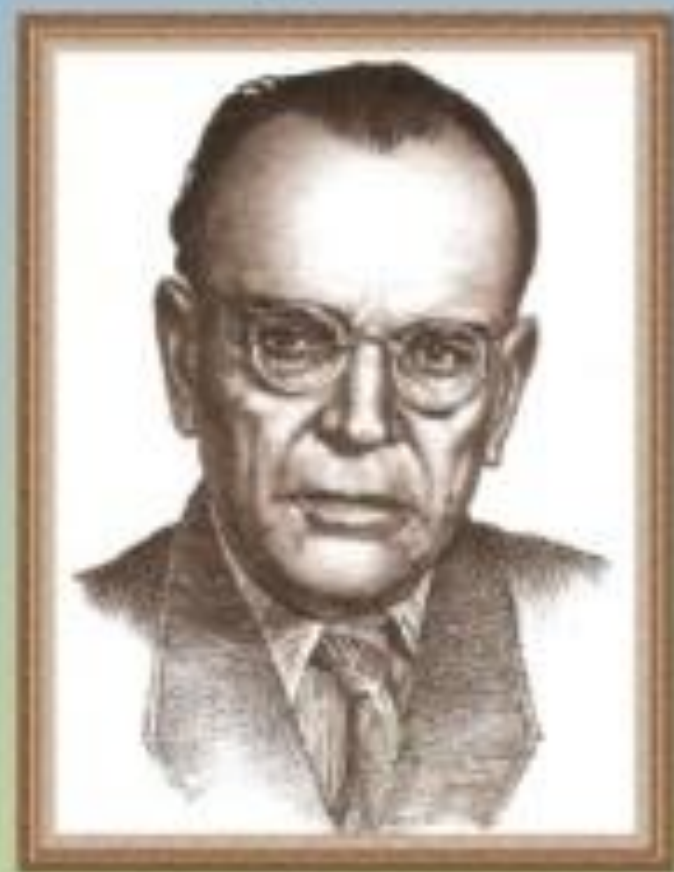
В рассказе поставлена проблема добра и справедливости, четко прослеживается стремление к благодарности за добрые дела. Таким образом, это учит нас делать добро, любить природу, быть к ней снисходительными и мотивирует к этому добро ответное. Все в этой жизни возвращается к нам бумерангом, зло к злу, добро к добру.

**Это не просто рассказ о лягушке-квакше,
но и история обретения — дружбы и
понимания своей значимости и
полезности кому-то.**

**Паустовский призывает нас внимательно
всматриваться в окружающий нас мир.**

**Животное в нем действует как само по
себе, так и вместе с человеком; каждый
имеет свой характер.**

Константин Георгиевич
Паустовский
(1892 - 1968 г)

Говорил, что нам
учиться у героев
книг любить нашу
землю – её поля и
леса, её города и
заводы, её небо,
её реки, её язык и
искусство.